

второе южнославянское влияние, к так называемой старшей поре его развития.

Расширив круг филологического изучения памятников древнерусской переводной письменности киевского периода, мы установили, что перевод книги «Есфирь» не был единственным в своем роде. Общие черты стиля, общие приемы передачи языкового оригинала роднили это произведение с другими, приблизительно современными ему. Прежде всего в поле зрения автора настоящей работы попал перевод книги «Иосиппон». Это средневековая еврейская хронография, в которой излагается ход событий мировой истории от всемирного потопы до разорения Иерусалима Титом в 70 г. н. э. с точки зрения судьбы еврейского народа. Будучи составлено из различных источников, главное место среди которых занимает «История» Иосифа Флавия, это относительно позднее средневековое еврейское произведение изобилует сказочными и фантастическими подробностями, составляющими характерную стилистическую приметку данного произведения. На русской почве достаточно распространенные куски книги «Иосиппон» были обнаружены в таких всемирно-исторических сводах, как Летописец Еллинский и Римский 2-й редакции, как книга «Плены Иерусалима» и др., наконец, довольно значительный отрывок из этого произведения, повествующий о посещении Иерусалима Александром Македонским, был открыт нами в одной из редакций «Повести временных лет» под 1110 г. в Ипатьевской летописи и одновременно в летописце Переяслава Суздальского.

Наличие последнего отрывка, сличение которого с еврейским оригиналом показало бесспорную тождественность обоих текстов, имеет особо важное значение, так как благодаря приуроченности к летописной записи строго определенного года удается установить *terminus ante quem* — время, не позднее которого могли быть осуществлены подобные переводы с еврейского языка в Киевской Руси.

Кроме книги «Иосиппон», переведенными с еврейского по ряду языковых признаков оказались и некоторые ветхозаветные апокрифы, связь славянских версий которых с еврейскими талмудическими источниками уже давно подозревалась учеными. Среди этих апокрифов мы отметили «Житие и исход Моисея», «Сказание о Соломоне и Китоврасе», «Сказание о Соломоне и царице Савской» и ряд других.

Положения, при помощи которых доказывались наши выводы относительно перевода «Есфири», оказались достаточно убедительными. Было признано установленным, что Древняя Русь киевского периода имела в составе своей книжности переводы, сделанные с еврейского языка. С этими положениями выразили свое согласие докладчики на IV Международном съезде славистов в 1958 г. — В. В. Виноградов⁹¹ и Н. К. Гудзий.⁹²

Однако когда, исследуя литературное окружение перевода «Есфири», мы вывели заключение об относительно широком круге переводных памятников древнерусской литературы, приблизительно современных ему, то этот тезис встретил настойчивые возражения. Н. К. Гудзий указал, что мы чрезмерно увеличиваем число древнерусских памятников, переведенных с еврейского языка. Он выразил недоверие к возможности того, что русскими переводчиками, например, могла быть переведена книга «Иосиппон». Наконец, Н. К. Гудзий счел невозможным, чтобы представители одной и той же переводческой школы могли переводить с совер-

⁹¹ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 18.

⁹² Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 40.